

С.П. Праведников
Курский государственный университет

МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В СВЕТЕ ИДЕЙ Ф.И. БУСЛАЕВА

Среди многих аспектов изучения языка русского фольклора особое место занимает фольклорная диалектология, в основу которой положена территориальная дифференциация языковых единиц, функционирующих в устно-поэтических текстах. Автор прослеживает влияние взглядов знатока и глубокого исследователя традиционной народной культуры Ф.И. Буслаева на формирование теоретических положений современной лингвофольклористики. В арсенал сегодняшнего ученого-лингвофольклориста активно внедряются новые методики, техники и приемы. С их помощью наглядно и доказательно подтверждаются факты макро- и микрогеографии русского героического эпоса. Оригинальное лексикографическое представление отдельных лексем способствует выявлению регионального и локального компонента в записях, сделанных в разных местах бытования былин. Словарная статья, конкорданс помогают быстро получить полную актуальную информацию. Анализ словарных статей позволяет установить идиолектные языковые факты.

Лингвофольклористика, язык русского фольклора, фольклорная диалектология, словарная статья, конкорданс.

Рассуждая об особых формах языка, являющихся «свободным выражением индивида», Ф.И. Буслаев выделяет три важных компонента (по Буслаеву, «три отдела»), создающих фундамент любого словесного произведения. «Первый отдел об общечеловеческом, что принадлежит всем языкам, согласно развиваясь исторически и логически», второй отдел об идиомах различных народов («идиом есть граница свободе языка, ограничение общечеловеческого в отдельных языках»). В третьем отделе речь идет «об индивидуальном слого, в коем соединяется, для единой цели, общечеловеческое с особенностью того или иного языка» [6, с. 47]. Идеи, заложенные в этих рассуждениях, оказались весьма плодотворными при проекции на обширное и разноплановое поле русского фольклора.

В.П. Аникин, справедливо считая русский фольклор целостным явлением, которое воспринимается как сложное единство реализуемых общенациональных традиций, рассматривает общерусское и территориальное как противоположности, но при этом отмечает относительность этого противостояния. «Локально-региональные и народно-общерусские начала образуют единства, хотя допускаются противоречия, резкие смещения. Взаимная дополняемость демонстрирует сочетаемость конкретного и общего в их обычной всесторонней связи» [1, с. 367].

Анализ фольклорного материала позволяет увидеть целый ряд существенных отличий, характерных для значительных по площади территорий, которые могут быть противопоставлены по своему географическому положению. Таковыми являются, например, Север и Юг Европейской части России. Особенности могут выявляться на разных уровнях. Это может быть «наличие-отсутствие того или иного жанра (широкая

распространенность былин на Русском Севере и практически полное отсутствие их в большинстве южных районов России; очаговость функционирования эпической поэзии, когда мощные центры песенного творчества севернорусских регионов соседствуют с так называемыми «малыми» очагами былинной традиции), избирательность сюжета или мотива» [13, с. 130]. Подобные отличия носят региональный характер.

К сожалению, до сих пор в современной фольклористике нет четкого разграничения «регионального» и «локального» при всей очевидности того, что речь должна идти о разных объемах этих понятий. «Все региональное локально, но не все локальное регионально, – пишет В.П. Аникин. – Под локальным будем разумеать проявление местного бытования фольклора, все, что в нем отмечено печатью местности, то, что порождено спецификой местных социально-бытовых условий. А под региональным, помимо того, что оно тоже локальное, полагаем, следует разумеать самостоятельность, автономность местного <...> Локальное – это общерусское в местном проявлении. Напротив, в региональном при автономности налицо качественное отличие фольклорной традиции от общерусской» [1, с. 368].

Локальным характером обладают различия, выявленные при сопоставлении фактов, полученных в местах, сравнительно недалеко расположенных друг от друга: например, в Усть-Цилемской и Пустозерской волостях Низовой Печоры или на побережье Белого моря и на Печоре. Если речь идет о различиях регионального характера, то учитываются территории, более далеко отстоящие друг от друга (например, Русский Север и Сибирь).

Даже невооруженным глазом видны параллели между тремя «отделами», выделенными Ф.И. Буслаев-

вым, и территориальными языковыми образованиями, получившими у В.П. Аникина названия «общерусское», «региональное» и «локальное».

Лингвофольклористы пошли дальше. В самой структуре лингвофольклористики как бы предусмотрено определенное тематическое расслоение, выделение стратегических исследовательских направлений. Выявление жанровой и территориальной неоднородности, исследование фольклорного диалекта, кросс-культурное направление тесно переплетаются с идеями фольклорной лексикографии, основным итогом которой является создание Словаря языка русского фольклора [17]. В основу фольклорной диалектологии положены компоненты, сопоставимые с единицами классической диалектологии; лингвофольклорист оперирует понятиями «фольклорное наречие», «фольклорный диалект» и «фольклорный говор».

В лингвофольклористике принято различать микро- и макрогеографию языка устного народного творчества. «Микрогеография предполагает сравнение былин местностей, сопряженных в рамках единой территории» [3, с. 36]. Таковым можно считать сопоставление языка эпических песен разных регионов Русского Севера, например Мезени, Кулоя, Печоры. Результат микрогеографии – обнаружение фольклорных «говоров» и «диалектов». «Макрогеография предполагает сопоставление фольклора отдаленных друг от друга регионов, например Русского Севера и Сибири. Результат – установление фольклорных “наречий”» [Там же].

Вспользуемся методиками сжатия конкордансов и аппликации словарных статей и сопоставим функционирование нескольких случайно выбранных слов, взятых из двух былинных мегатекстов [14; 12]. Обратимся к существительному *глаз*. Ф.И. Буслаев указывал на сверхъестественные особенности органа зрения в языческих представлениях, легших в основу эпической поэзии; он утверждал, что через глаза «проторгалась» стихийная, природная сила [5]. Впоследствии эту мысль развивал Н.И. Толстой: «Глаза – орган зрения, при помощи которого, по народным представлениям, человек может повлиять на судьбу другого человека» [16, с. 500]. У нас есть возможность проверить, отразились ли эти древние представления в фольклорном тексте. По-разному лексема *глаз* функционирует в каждом из мегатекстов. Прежде всего, обращают на себя внимание количественные показатели (они приводятся в скобках). Двенадцать словоупотреблений в сибирских записях и тридцать два – в печорских при практически одинаковом текстовом объеме.

Сибирь (12)

Стрелял Соловья вора-разбойника,

Попадал ему в правый глаз (Сибирь, № 27).

=: –

А: правый 1.

V_S: <быть> 3.

V_O: <быть> промежду глазами 1, быть глазам 1, врезать вместо глаз 1, выкопать 1, закатиться из глаз 2, не видеть во глазах 1, не видывать в глаза 1, попадать в 1.

Сопр: глаза как пивная чаша 1, как пивны ковши 1, как ясны звезды 1.

Печора (32)

Полетела из лука да калена стрела,

Пролетела она у струга палубу,

Уж пробила, проломил муровой чердак,

Залетела она Данилу нонь во правой глаз (Печора, № 51).

=: глазище 4.

А: живой 1, правый 8.

V_S: <быть> 6.

V_O: <быть> промежду глаз 2, бежать из глаз 1, бросить в испод его глазами 1, быть врезанный (в)место глаз 1, видаться глазами 1, выкопать 2, залететь в 3, залететь глазом 1, ископать 2, пасть в глаз 3, полететь в глаз 1, скакать назад глазами 3, скакать наперед глазами 2, скочить назад глазами 1, сыпаться из глаз 2.

Сопр: глаза ясна сокола 2, как пивны (сильны) чашица 4.

+: Комментарий.

=: в записях, сделанных на Печоре, присутствует существительное, образованное от слова *глаз* с помощью суффикса *-иц* – *глазица*; этого нет в сибирском эпосе.

А: связь с прилагательными. В обоих мегатекстах использовано прилагательное *правый* – ‘расположенный в той стороне, которая противоположна левой’ [11, с. 954]. Отличие в том, что в сибирских текстах оно употреблено однажды, в печорских гораздо чаще; кроме того, севернорусский сказитель использовал эпитет *живой*, что можно расценивать как черту идиолектную.

Уж ты здравствуй, Потык Михайлович!

Слава Богу, судил Господь живыми глазами
видатися (Печора, № 57).

V: глагольные связи. К общерусской традиции отнесем использование глагола *выкопать* – ‘выколоть (глаза)’ [15, вып. 5, с. 295], распространенного в обоих регионах.

Он схватил-де-ле их да за черны кудри,

Он отрезывает у онного ноги резвыи,

У другого глаза да живком выкопал (Печора, № 37).

Остальные случаи употребления глаголов носят следы местных традиций. Ср.: «Чтоб не быть пошлою компиляцией или напыщенным панегириком, легенда должна питаться местными эпическими традициями» (поэтическая легенда = былина. – С. П.) [7, с. 96]. Так, в одинаковой ситуации, когда богатырь выпускает во врага стрелу из лука и поражает его, одна традиция оперирует глаголом *попасть*, другая – *пасть*.

Стрелял Соловья вора-разбойника,

Попадал ему в правый глаз (Сибирь, № 27).

Да пала-де Скурлы нонь во черн шатер,

Тому-же-ле Киришику во правой глаз,

Да вышла-ле стрелоцька левым ухом (Печора, № 17).

Сопр: использование в сравнительных конструкциях. Здесь играют роль и количественные показатели, и особенности художественной подачи материала.

В качестве дополнительной информации сообщим, что и в сибирских, и в печорских былинах есть слово *око* (*очи*), которое во многих случаях является абсолютным заменителем существительного *глаз* (*глаза*) (более подробно: [2]): Печора – 51, Сибирь – 17 словоупотреблений.

Словарная статья – это итог сжатия полного конкорданса, в результате чего остаются самые важные, актуальные для данного фольклорного текста связи описываемого слова с другими словами этого текста.

Прилагательное *бурый* не относится к частотным словам ни в печорском, ни в сибирском мегатекстах. Представим конкорданс этого слова (в круглых скобках приводится количество словоупотреблений, в угловых – номер текста в сборнике).

Бурый – ‘темно-коричневый с красноватым оттенком (о масти лошади, окраске животного)’ [11, с. 105].

Печора: **Бурый** (6). Кабы *бурой*-от конь тут осергается, Он-де бьет правой ногой мать-сыру-землю <22>; Ищэ *бурой*-от конь тут осергается, Он как бьет-де правой ногой мать сыру землю <22>; Кабы *бурой*-от-ле конь да говорил ищэ, Он как руськиим языком человеческим <22>; Кабы *бурой*-от-ле конь да стал побегивать, Он своего стал хозяина посматривать <22>; Ноньце *бурой*-от-де конь да осержаитсе <22>; Да *буры* лесицы по темным лесам, Все слышачи на Руси багатыря <84>.

Сибирь: **Бурый** (2). У попа ростовского Была *бурая* корова, По поварням ходила <21>; И скакать на коне от Киева до Чернигова, Три-девяносто мерных верст На своим бы то на *бурым* жеребце <91>.

В сибирских записях один раз отмечено прилагательное *черно-бурый*.

Сибирь: **Черно-бурый** (1). Вместо ушей было повешено Две лисицы *черно-бурые* <39>.

+: Записано в бассейне Енисея Веселовым, имя исполнителя неизвестно.

Следует сказать, что, описывая каждое словоупотребление лексемы, составители учитывают сказителя, использовавшего в своем тексте слово, и место фиксации текста. В том случае, когда слово встретилось в текстах двух и более исполнителей, живущих в одном месте, а в текстах других территорий не зафиксировано, в комментарии к словарному описанию делается соответственная пометка [2].

На Печоре почти все случаи употребления слова *бурый* связаны с одним певцом. Это касается и других близких по смыслу слов. Так, слово *бурушка* < ‘уменьш.-ласк. к бурко’ < бурка – ‘бурая лошадь; кличка такой лошади’ [15, вып. 3, с. 288, 290, 299] зафиксировано 23 раза, все они (а также и слово *бурок*) отмечены в речи одного и того же исполнителя былины «Иван Гостинович».

Печора: **Бурушка** (23). Ищэ сам тут говорит он таково слово: «Уж ты малинькой мой *бурушко*, косматинькой!» <22> (5 раз одинаковый контекст); А назван-от ему брат да ноньце *бурушко* Покорилсэ он брату ноньце меньшому <22>; Те спасибо-же-ле конь, да мой ты *бурушко*! <22>; Сослужил ты как *бурушко* все службы тяжолые <22>; Ты корми миня пшаной да белояровой, Ты корми-де миня да ищэ до сыта, Ы бы пой миня, *бурушка*, ты до-пьяна, Проминой миня, *бурушка*, по трем зорям <22> (4 раза одинаковый контекст); Я как выпущу на его да триста жаробцей, Уж как пусь у тя *бурушка* нонь ростолочат, Ище пусь у тя малого нонь розволочат <22> (3 раза одинаковый контекст); Прибегали-де они да к коню доброму, Они стали тут как *бурушка* покусывать <22> (4 раза одинаковый контекст); Они стали тут как *бурушка* поку-

сывать, Ищэ стали они *бурушка* полеживать <22> (3 раза одинаковый контекст).

Печора: **Бурок** (1). Он опеть падаг *бурку* во праву ногу: «Ож ты малинькой мой бурушко, косматинькой» <22>.

В Сибири распространено близкое, но не идентичное *бурочка* (или отдельно, или в составе композита *бурочка-косматочка*). *Бурочка* – ‘уменьш.-ласк. к бурка. То же, что и бурушка’ [15, вып. 3, с. 297].

Сибирь: **Бурочка** (4). Выезжал удалой добрый молодец, Боярский сын Дюк Степанович, Дюк на шивочке, Дюк на *бурочке*, Троигодочке, троитравочке, На любименьком жеребеночке <31>; «Сгой еси, мой *бурочка*, Косматочко и троелеточко» <91>; Навстречу ему его доброй конь, Его *бурочка* сивогривочка, Тростравочка, троелеточка <92>; «Ах ты, *бурочка* сивогривочка, Тростравочка, троелеточка» <92>.

Сибирь: **Бурочка-косматочка** (2). На своим бы то на бурым жеребце, На *бурочке-косматочке*, на троелеточке <91>; Кладет свои ручки на перилочки, Глядит он на *бурочка-косматочка*, [На косматочка] и на троелеточка <91>.

Записи сделаны на Алтае (№ 91), Колыме (№ 92) и Индигирке (№ 31). И здесь просматриваются следы индивидуального подхода к исполнению былины. В половине случаев слово использовано одним сказителем, чье имя не сохранилось (собиратель А. Лазбеников, место фиксации текста – с. Ординское Барнаульского уезда). Каждая деталь в народно-песенном тексте значима, занимает свое место и выполняет определенную роль.

В завершении будет уместно вспомнить слова Ф.И. Буслаева, ученого, которому всегда были присущи «внимание к филологическому прошлому русского народа, глубокая природная связь с ним» [8, с. 87]: «Именно глубоким и всеобъемлющим взглядом на подробности отличается человек знающий от профана, дилетанты, не разумея техники искусства, хватаются за общие мысли произведения, т. е. за общие места, истинный знаток видит в ничтожной для непривычного мелочи высокое значение, ибо здраво понимает ее и чувствует ее отношение к целому» [4, с. 88]. Думается, система методик, разработанная курскими лингвофольклористами, очень четко укладывается в эту буслаевскую формулу и способствует более глубокому проникновению в суть фольклорного слова. Его исторические корни и культурные традиции неотделимы от «филологии духа», от любви к языку Отечества (см. [9; 10]), который, как живой родник, наполняет своими водами русло преданий, песен, эпических сказаний и живым голосом поэзии народа из прошлого доносит до нас удивительные краски подлинной литературы, ее силу, дух, творчество и разум.

Условные обозначения

=: – варианты слова;

A: – связь с прилагательными;

V: – связь с глаголами;

V_S: – существительное – субъект предложения, глагол – предикат;

V_O: – глагол управляет существительным;

Сomp: – использование в сравнительных конструкциях;

+ : – комментарий, дополнительная информация.

Литература

1. Аникин, В.П. Теория фольклора: курс лекций / В.П. Аникин. – Москва: КДУ, 2004. – 432 с.

2. Бобунова, М.А. Глаза и очи / М.А. Бобунова // Фольклорная лексикография. – Курск: Издательство Курского государственного педагогического университета, 1995. – Вып. 2. – С. 9–12.

3. Бобунова, М.А. Проблемы фольклорной диалектологии / М.А. Бобунова, С.П. Праведников, А.Т. Хроленко. – Курск: Издательство Курского государственного университета, 2003. – 72 с.

4. Буслаев, Ф.И. Преподавание отечественного языка / Ф.И. Буслаев. – Москва: Просвещение, 1992. – 512 с.

5. Буслаев, Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности [Электронный ресурс] / Ф.И. Буслаев. – URL: <https://megalektsii.ru/s31278t3.html> (дата обращения: 01.06.2018).

6. Буслаев, Ф.И. Риторика и пиитика / Ф.И. Буслаев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. – Москва: Academia, 1997. – С. 41–50.

7. Буслаев, Ф.И. Русский богатырский эпос. Русский народный эпос / Ф.И. Буслаев. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. – 255 с.

8. Никитин, О.В. «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков» Ф.И. Буслаева как памятник филологической культуры XIX века / О.В. Ники-

тин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 4 (173). – С. 82–88.

9. Никитин, О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русский язык в школе. 2018. – № 5. – С. 79–86.

10. Никитин, О.В. Федор Иванович Буслаев и язык Отечества (К 200-летию со дня рождения) / О.В. Никитин // Русская речь. – 2018. – № 3. – С. 48–56.

11. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт; Москва: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.

12. Печорские былины. Записал Н. Ончуков. – Санкт-Петербург: Типо-литография Н. Соколова и В. Пастор, 1904. – 424 с. (в тексте статьи – Печора, далее номер былины).

13. Праведников, С.П. Основы фольклорной диалектологии / С.П. Праведников. – Курск: Издательство Курского государственного университета, 2010. – 231 с.

14. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока = Russian epic poetry of Siberia and the Far East. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. – 497 с. (в тексте статьи – Сибирь, далее номер былины).

15. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – Москва; Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, 1965–2015. – Вып. 1–48.

16. Толстой, Н.И. Глаза / Н.И. Толстой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 500–502.

17. Хроленко, А.Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А.Т. Хроленко. – Курск: Издательство Курского государственного университета, 2008. – 229 с.

S.P. Pravednikov

MULTI-ASPECT STUDY OF THE LANGUAGE OF RUSSIAN FOLKLORE IN THE LIGHT OF F.I. BUSLAEV'S IDEAS

Among the many aspects of the study of the language of Russian folklore, a special place is occupied by folklore dialectology. It is based on the territorial differentiation of linguistic units that function in oral-poetic texts. The author traces the influence of F.I. Buslaev's views as an expert and a profound researcher of traditional folk culture on the formation of the theoretical positions of the modern linguistic study of folklore. Now modern researchers of the language of Russian folklore actively use new methods and techniques of folklore studies which clearly and evidently confirm the facts of macro- and microgeography of the Russian heroic epic. The original lexicographical representation of a number of words helps to identify regional and local components in the records of epics. A dictionary entry and concordance promptly give the full and relevant information. The analysis of dictionary entries allows revealing idiolect language facts.

Linguistic study of folklore; the language of Russian folklore, folklore dialectology, dictionary entry, concordance.